

Елена Коротаева
Канадские зарисовочки

Рассказы и миниатюры

Елена Коротаяева

**Канадские зарисовочки.
Рассказы и миниатюры**

«Издательские решения»

Коротаева Е.

Канадские зарисовочки. Рассказы и миниатюры / Е. Коротаева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747500-0

Веселые и не очень зарисовки и размышления о любви, призвании, судьбе,
людях и разных жизненных ситуациях, которые могли произойти где угодно,
но произошли в Канаде, потому что там живет автор.

ISBN 978-5-44-747500-0

© Коротаева Е.
© Издательские решения

Содержание

Славик, прячься!	6
Я провела с ним пять дней	8
Русский банкир	10
Наташа приехала	13
Идите лесом	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Канадские зарисовочки Рассказы и миниатюры

Елена Коротаяева

Иллюстратор Валентин Иоппе

© Елена Коротаяева, 2017

© Валентин Иоппе, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4474-7500-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Славик, прячься!

Мы заканчиваем ремонт. Страшная вещь, которую, как макароны, накрутили себе на шею. Стихийное бедствие, форс-мажорное обстоятельство – вот, что такое ремонт. Мы – это, конечно, громко сказано, поскольку моя миссия заключалась только в бесконечной уборке и покраске некоторых дверей и плинтусов белой краской.

Вчера я покрасила последний плинтус, лежа на полу, перевернувшись на спину, полежала лицом вверх, подумала о скоротечности жизни... и увидела окна. Окна были не просто грязные, их еще заляпали чем-то, когда ставили новую крышу. Ремонт и начался с того, что в сентябре после первых дождей, обнаружили, что крыша прохудилась.

Стало ясно, что нужно звонить cleaning ladies – уборщицам, по-нашему. Здесь это такие леди, которые иногда весьма дорого себя оценивают. Есть и джентльмены, которые приходят со своей лестницей и моют окна на втором этаже. Они молча важно ставят лестницу с внешней стороны дома и священнодействуют.

Дальше события развивались стремительно. Набирая номер cleaning ladies, я от усталости, видимо, ткнула первые цифры не 90, а 91. Совсем не понимаю, как это получилось. Телефон стал издавать какое-то странное инопланетное попискивание, и тут же я услышала службу спасения 911, вернее строгую женщину – диспетчера. Извинившись, я хотела положить трубку, но диспетчер приказала:

- Миссис такая-то! Не вешайте трубку!
- Откуда вы знаете мою фамилию? А, ну да. Простите, я ошиблась.
- Не вешайте трубку! Полиция выезжает к вам.
- Но у нас все в порядке, ничего не нужно. Спасибо!
- Вы позвонили, и мы обязаны отреагировать!
- Я просто неправильно начала набирать номер...
- Кто сейчас с вами дома?
- Муж и дочь... Спасибо, я не хотела. Не надо полиции!
- Оставайтесь на линии! Наряд выслан. На вас нападают?
- Нет!
- Вы позвонили, я обязана это спросить. К вам выехали.
- Ma'am... (я, безнадежно-тоскливо-вопросительно делаю последнюю попытку).
- Ma'am! (она, тоном, при котором возражения невозможны).

Она отключается, и через несколько секунд раздается звонок из 911.

– Я проверила, на месте ли вы. Сейчас приедет полиция. – говорит она.

– Я же просила! Я же объясняла! – продолжаю я обреченное нытье.

– Ma'am – твердо говорит она.

Кладу трубку и с ужасом вспоминаю, что в моем кабинете сидит наш друг Славик, компьютерный гений и реанимирует мой больной деменцией компьютер.

О, Боже! Я не сказала службе спасения, что у нас еще и Славик! Получается, что я его скрыть хочу, обманула службу спасения, полицию и вообще страну. Это заработала моя кора головного мозга, изрядно закрученная на правдивость за столько лет в правильном прохладном раю, живущем под знаком «закон и порядок».

– Славик!!! Прячься!!! – кричу на бегу, спеша открыть дверь полиции.

Это во мне разыграл бывший советский человек, живший под знаком «авось пронесет», и он-таки победил законопослушного канадца. Куда должен вообще спрятаться человек сто кило весом и 190 см ростом? Неважно.

Вот сколько видела за пятнадцать лет в Канаде полицейских вблизи – все красавцы. Все как один. Вошел двухметровый шатен лет тридцати с добрыми глазами. Спокойно выслушал мою пламенную речь о том, что я ошиблась номером, о чем сожалею безмерно и сказал:

«It's OK. If you call, we must attend. Take care.» (Ладно. Раз вы позвонили – мы должны были приехать. До свидания.)

За компьютером в кабинете сидел Славик, так и не выходящий из виртуального мира. Он и не слышал моего призывного вопля «Славик, прячься!» Сверкнув очками в мою сторону, компьютерный гений добродушно спросил: «Ну что, ты докрасила плитус?»

Я провела с ним пять дней

Я провела с ним пять дней. Это были прекраснейшие дни моей жизни, ибо я купалась в любви. Он смотрел на меня, улыбался открыто, иногда слегка смущенно и излучал бесконечную любовь. Мы давно толком не виделись, так набегу, я не ожидала, что он так изменится.

Мы ели апельсины, собирали виноград Изабелла и еще какой-то желто-зеленый, который по странной прихоти природы растет в нашей примороженной Канаде, ходили в ресторан, где он ничего не ел, а только смотрел на меня нежно и одобрительно. Мы почти не разговаривали, потому что все наши мысли и эмоции легко читались по лицам. Были даже на пляже, где я сделала последний сентябрьский заплыв в тихом прозрачном озере, пока он грелся на солнышке.

Иногда он клал голову мне на плечо, и я пела песни Окуджавы «В темно-красном своем будет петь для меня моя Дали, в черно-белом своем преклоню перед нею главу...» и «Живописцы, окуните ваши кисти в суету дворов арбатских и в зарю, чтобы были ваши кисти словно листья. Словно листья, словно листья к ноябрю...» Он мог слушать часами.

Все время хотелось целовать его короткие золотисто-блондинистые волосы. Он смеялся и великодушно позволял мне это делать.

Мы развлекались по-разному, он ползал по дому способом, которым тренируют солдат в армии, этот прием называется «одна нога прямая». Он отталкивался правым локтем и левой коленкой и быстро полз, подтягивая правую ногу, которая оставалась прямой к интересующим его объектам, как-то: проводам, телефонам, компьютерам и игрушкам, из которых вынимаются батарейки, и с особым энтузиазмом – к мячикам, по которым долго шлепал рукой. Плакал он коротко по-военному, один раз в день, вернее пускал скупую мужскую слезу, когда одевался. Он отталкивал одевающего крепкими руками и ногами так, что не удержать. Его зовут индийским именем Сантош, поскольку родители большие почитатели Индии и всего индо-санскритского, но мне кажется, больше идет ему имя Саня, или Павлик, или Антоша. Этот кругленький золотистый блондин семи месяцев отроду – мой внук.

Не понимаю, как я раньше жила без него...

Русский банкир

– Если вы о ценах на картины, то это к моей половинке! Лена, иди сюда!

«Опять он меня подставляет» – подумала я и пошла вниз по лестнице, печалась, что меня оторвали от интересного чтения, проплывающего по экрану компьютера одно за другим и вытянули из уютного кабинета.

Мой нервный спаниель пошел за мной.

По дороге надела тапочки и улыбку, но не ту, что «У меня есть улыбка одна: Так, движение чуть видное губ...», а другую... для посторонних. Как же это я забыла, что утром позвонил наш друг Эдик и сказал, что приведет русского банкира, который прилетел на неделю в Торонто по делам, хочет посмотреть картины и может быть, что-нибудь купит. У него много миллионов и банков. Эдик молодец, он всегда старается закрутить что-то нужное.

Русский банкир внешне представлял собой худший вариант еврейского мужчины. Формулировка моя. Характеристики: выпученные щитовидные глаза, невысокий рост, лысина и большой живот. Есть, конечно, и лучший вариант еврейского мужчины а-ля Александр Ширвиндт-Михаил Козаков-Диктатор Франко.

Они замечательные, породистые и благородные, я даже выбрала в спутники жизни один такой экземпляр. Ой, я вижу – мужчины ухмыльнулись слову «выбрала».

Ах, ну да, ну да, конечно, простите, выбираете же вы. Мужчины выбирают. Да, да, да, да, да. Держите меня, пять человек... выбирают они.

– Пожалуйста, выбирайте. Все на стенах. Продается не все, но, если что-то очень понравится, художник сделает вам копию, сказала я привычную фразу.

– Не копию, а авторский повтор. Пока художник жив он всегда может повторить картину – привычно поправил маэстро.

Я налила всем чай, поставила на стол фрукты и конфеты. Мы с женой банкира – блондинкой славянского типа такого же возраста как он, под полтинник, пили чай и беседовали. Она была утомлена. Рассказывала о том, как сложна ее жизнь, когда садовники не выполняют, о чем их просят, и тридцать человек прислуги все время увольняются, и надо к новым привыкать и обучать.

– А нам сосед траву стрижет. У него газонокосилка мощнее – ляпнула я не по делу, и на меня посмотрели с сочувствием.

Миллионер пить чай не стал. Он бродил по гостиной, и почему-то становился все более и более нервным.

– Сколько стоит эта длинная над диваном?

– Пять тысяч. Владельцы галерей дают за нее девять, но они забирают половину, мы не отдали.

– Почему не отдали?

– Ну, мы с голоду не помираем... – ответила я.

– Вы знаете, так смешно, некоторые канадцы заказывают картину не по принципу: городской пейзаж, осенний лес или цветы, а говорят «sofa size» – «мне размером с диван» ... – сказал любимый, желая поболтать и всех развлечь. Никто не отреагировал.

– А эта квадратная?

– Две тысячи. Холст, масло, размер 120 на 120 см.

– А эта?

– В раме? Три тысячи.

– Я готов. Я выбрал. Можем начинать! – сказал банкир.

– Что начинать? – говорю с дурацкой улыбкой.

– Наверное, нужно решать с ценой... – сказал наш друг Эдик. Мы вопросительно переглянулись.

– Тот, кто будет участвовать в сделке должен выйти – пояснил Эдик.

– Ой, это к моей половинке. Я в этом не разбираюсь. Леночка!

Подставил, как всегда! Совсем не понимая, чего от меня хотят, но предчувствуя веселенький прикол, я встала. Наш друг Эдик обнял меня за плечи и повел в мастерскую. Это помещение такое под названием basement в Америке и Канаде – нижний этаж, четырнадцать ступенек вниз с небольшими окнами под потолком. Строили так всегда на случай смерча-торнадо, чтобы было, где укрыться. У нас там мастерская художника – черт ногу сломит. Там меня оставили и закрыли дверь. Сажу, жду. Приходит наш друг Эдик и приносит мне бумажку, сложенную вчетверо:

– Разверни, здесь он предлагает цену за три картины! Смотрю, написано – 800 долларов.

– Дай свое предложение! Напиши, напиши!

– Но я же ему назвала цены...

Эдик берет пустую бумажку, поняв, что мне бесполезно объяснять азы финансового права, и быстро идет наверх. Возвращается с новой бумажкой... 820 долларов за три громадные картины.

– Я же ему сказала...

– Нет, так не полагается. Пиши предложение.

Я подчинилась, написала. Бумажку сложила, он унес.

Жду. Приносит – 835 долларов. Пишу свою, все время одну и ту же цифру. Эдик ходит с ней наверх и приносит новые бумажки, сам в них не заглядывает, это у них, видимо, запрещено по протоколу. Сумма банкира растет, но медленно: 865, 880, 920. У меня мысль – надо продолжать, наверное. Правила таковы. Сижу, быстро орудую ножницами, режу бумажки, много бумажек...

Вдруг гипноз стряхнулся. Зачем я это делаю? Не послать ли мне этого банкира? Приходит Эдик, говорит: «Это его последнее предложение – больше не даст.» Смотрю: 1000 долларов за три картины.

– Да накидай ему еще акварелей! – предложил наш друг Эдик.

– Акварелей?! Ему?! Накидать?! ЕЩЕ!!!!???

На этом месте я почувствовала, что сейчас и у меня глаза вылезут из орбит. Интересно все-таки принято ли сейчас в новой России новых русских посылать? Ну, не знаю, как принято, меня там с 1991 года нет. Я решила использовать терминологию не знаю правильную ли, но неважно, вылезла из подвала и сказала: «Сделка отменяется!» Они ушли. Мы ошалело взглянули друг на друга и поговорили в нашей обычной вопросительной манере:

– Ты прогнала банкира? – спросил он.

– Не явно. Надо было пригласить его пожить у нас?

– Нам же в этом месяце нужно... Как заплатим?

– Заработаем. Разве месяц завтра кончается?

– Конечно, заработаем. Какое сегодня число?

Я обняла похожего на диктатора Франко и стала подниматься по лестнице на второй этаж, в любимый мой кабинет с большим окном и заглядывающим в него кленом, думая уже совсем о другом... своем, интересном, не имеющем никакого отношения к деньгам и банкирам.

«У меня есть улыбка одна:

Так, движенье чуть видное губ.

Для тебя я ее берегу —

Ведь она мне любовью дана.»

Анна Ахматова

Мой нервный спаниель пошел за мной.

Наташа приехала

Последние дни погода стояла отвратная. Высовываешь голову на улицу, и тебя кидает обратно внутрь дома, где прохладно от кондиционера. На дворе... не то сауна, не то духовка. Видимо эта влажная удушающая жара бывает у нас в Торонто из-за близости озер, а тут еще дожди сильные прошли. Вот в такой вечер пару дней назад открылась дверь, и я увидела на пороге мою душевную подругу Наташу, которая приехала на побывку из индейской резервации, где работает учительницей в старших классах с девятого по двенадцатый.

Следом за ней в дом вошел ее муж Дима с сумкой, в которой были подарки: сшитые и вышитые вручную индейскими мастерицами, меховые тапочки разных размеров, бусы, длинные серьги с перышками и без них и чай из неведомых белому человеку зеленых листьев с красной каймой, под названием «от всего». На столе появились альбомы.

«Вот они мои крошки!» – ликовала Наташа, целуя фотографию, на которой стояли, руки в карманы, мрачные краснокожие подростки лет шестнадцати в свитерах с капюшонами, опущенными на глаза.

Чудеса: за годы в резервации она превратилась из пухленькой брюнетки с волнистыми волосами в женщину средней, можно сказать, комплекции с абсолютно прямыми длинными черными волосами и челкой как у Анны Ахматовой... и черты лица стали как-то резче, похожи на индейские.

«Вот они мои дорогие сфинксы! А это наши старейшины! А это наши вожди! В школе у нас тоже есть один мудрый старейшина. Хоть они и против белого человека и детей накручивают, но наш старейшина – замечательный! В школе обязательно должен быть старейшина.»

На других фотографиях большие парни – старшеклассники с каменными лицами охотились вместе со взрослыми, потом резали и снимали шкуру с убитого оленя, держа в руках окровавленные громадные ножи, потом разделявали здоровенных рыб, пойманных в озере, которое кругом... кругом и кругом, а если посмотреть на карту, то просто жуть берет.

Летние каникулы Наташа с Димой проведут здесь, дома и сгоняют на неделю, на Кубу погреться, потому как намерзлись: зимой на острове, где находится резервация, часто бывало минус 50 градусов. Выкроили вечер и для нас, приехали пообщаться и показать фотографии острова, который находится в трех часах лёту от Торонто прямо на север, и где ближайший большой продуктовый магазин находится в 700 км. На острове есть один маленький магазин и клиника, куда врач прилетает раз в две недели, а зубной – раз в 2 месяца.

Вы спросите: «А нафига козе такой баян?» Ответ один – Наташа обожает свою профессию, она очень любит быть школьной учительницей. И хоть убейся, хоть стреляй в нее из рогатки, хоть куда ее склоняй и хоть куда отправляй – всегда и везде она становится на свою любимую ступеньку и вдохновенно танцует на ней чечетку, сияя от счастья и держа в руке гору тетрадей с контрольными.

Она преподавала английский в родном Петербурге, в Израиле, потом там же на высокой горе в городке друзов, говорящих по-арабски, куда никто из наших не хотел, да и вообще...

кто их знает – арабы все-таки. А они приняли ее как родную, и Наташа застряла у них лет на семь, объясняя английские правила на иврите.

Я как-то спросила: «А переводы на доске на иврите пишешь?»
«Да нет, говорит, я немножко арабскую вязь подучила»...

Теперь ее тексты стали другими. Наташа причитала: «Лапочки мои неразговорчивые, сфинксы мои каменные, все лето их не увижу. Они у меня уже играют Шопена и Брамса».

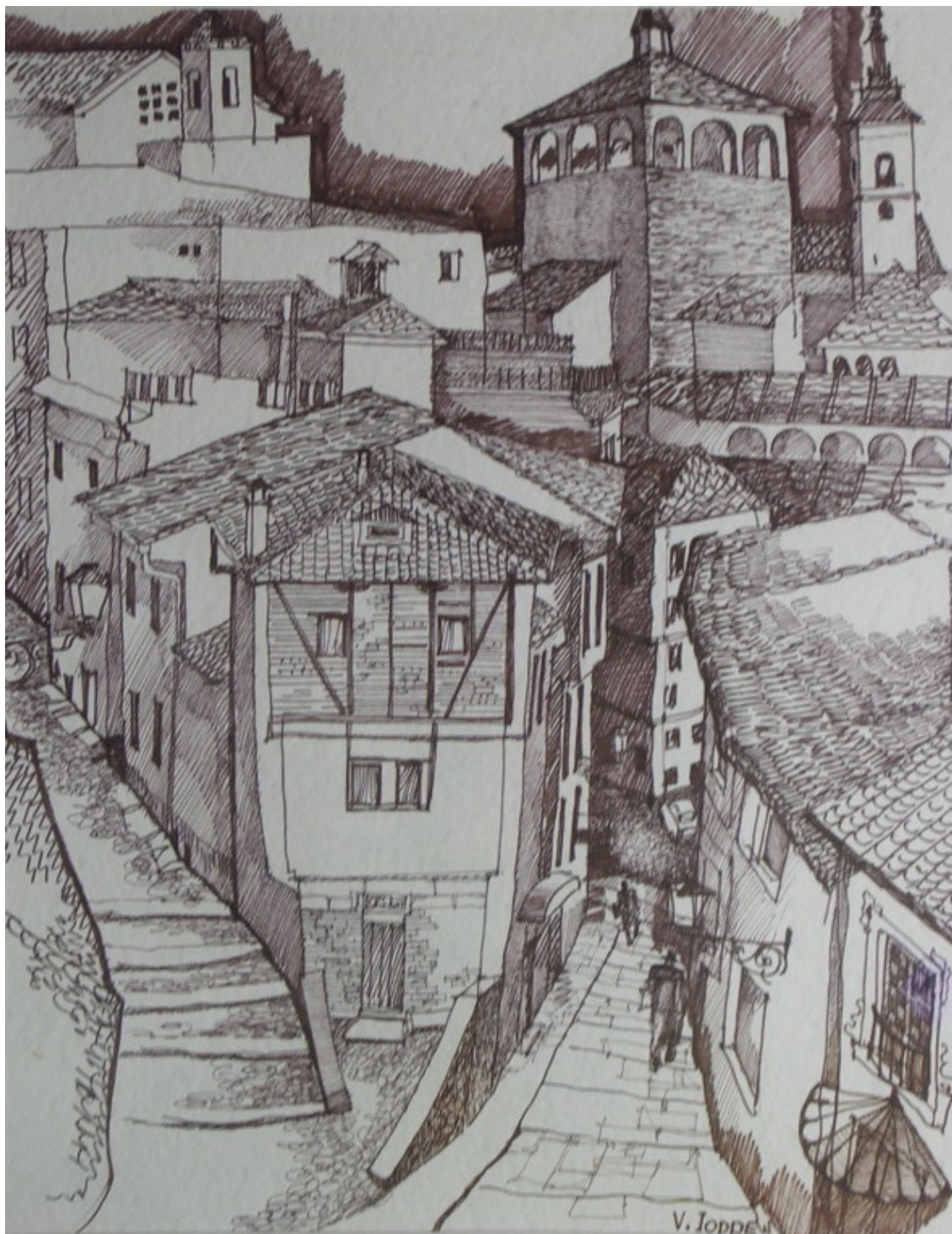
В Канаде до резервации она тоже преподавала английский и музыку, но часов было мало, не очень была загружена. В 45 лет моя героическая подруга поступила в университет нашего местного Лондона в провинции Онтарио и через два года получила еще один диплом. Это был диплом учительницы истории Канады (вы скажете: «тоже мне крутая история...», ведь Канада получила статус независимого государства под наблюдением английской королевы в 1867 году). Но индейцы-то жили здесь 10 тысяч лет назад.

Этот диплом дает право преподавать и остальные предметы, поскольку за плечами Наташи был еще и российский университет, и годы учительского стажа.

Поэтому, когда возникло предложение от индейцев преподавать там все от английского и музыки до математики, физики и истории религий, глаза ее загорелись неугасимым блеском, и Диме стало ясно, что его не угасить, надо увольняться и ехать с ней. Кто же отпустит любимую жену в такие дикие края одну? Работы для него там, само собой не было кроме как дом охранять, чинить все что сломается, ну и так... присутствовать. Все говорили: «Может ну их...» Дима отвечал: «Уж очень она любит школу».

В дальнейшем Наташа научила его, и кое-что готовить, и тетради проверять, но, когда мы их провожали три года назад – Диму все в один голос назвали «декабристкой». Дождаясь жену из школы, Дима-декабристка научился разным ремеслам, например, скачиванию с компьютера на диски всякой всячины. Привез нам на диске замечательный концерт, под который мы весь вечер примеряли меховые тапочки и серьги с перьями, попивая индейский чай «от всего» с Киевским тортом из русского магазина. «Дай, Пастернак, смещение дней!!!»

Мы познакомились с Наташей в начале девяностых в северном израильском городке, где «из нашего окна Иордания видна, а из вашего окошка – только Сирия немножко», впрочем, из моего окна была видна не только Сирия, но и Ливан, и высокая гора со снежной вершиной, который до апреля иногда не таял, а про Иорданию я приврала, чтобы не портить рифму всем известной переделки.

Тогда мы делали свои первые ошибки, которые полагается сделать по молодости лет в новой стране, дабы непоколебимым оставался закон: каждый вновь прибывший должен обязательно съесть свою порцию... иначе неправильно. И все. Неправильно. Там же кругом советчики.

Вы думали, что Страна Советов – это Россия и все, что было к ней прикреплено? Нет. Это Израиль. Там, невозможно что-то делать, например, поднимать домкратом машину, чинить компьютер, кроить юбку, все что угодно... в публичных местах только по одной причине – сразу подойдет много людей, и все будут советовать, как правильно. Все переругаются между собой, разнервничают, и у всех поднимется давление.

Советчики приходили и к нам в группу, где мы изучали иврит. Пришел, вернее снизошел один богатый, известный в городе, процветающий... с красивой бородкой, золотыми килограммовыми часами и цепочкой на шее, шортах и расстегнутых сандалиях и стал советовать: «Вы, адвокат – переучивайтесь на бухгалтера, вы, тренер по фехтованию... я вас умоляю, здесь неспортивная страна, шахматы – наш вид спорта – переучивайтесь на оператора станков с программным управлением.» Ко мне обратился:

– Что? Преподаватель английского... переводчица? Кому вы нужны, душенька? Здесь английским свободно владеет любой старшеклассник, это второй язык в стране. Идите скорее и записывайтесь на курс специалистов по проверке и контролю качества!

– Качества чего? – говорю и чувствую, что во мне просыпается пантера Багира из мультика «Маугли».

– Да всего! Вы не сможете преподавать английский даже в садике. Можете стать экономистом или бухгалтером.

– Да из меня бухгалтер как из вас....

В глазах у меня потемнело, потом покраснело. Последнее, что помню это удивление и восторг в его масляных темно-карих глазах.

Тем не менее, бред подействовал, и мы с Наташей оказались на полугодных курсах менеджеров гостиниц. Идиотизм полный, но советы, советы... первая эмиграция. Наташа потом один месяц поработала в гостинице, а я, сдав пятичасовой экзамен на иврите, не работала по этой славной профессии ни дня.

В тот же год она уже работала в школе, а я учила английскому взрослых израильтян по программе ОРТ. Через 10 лет, приехав в Канаду мы уже ничьих советов не слушали.

На днях вечером мы сидели с Наташей и вспоминали наши первые ошибки, энергию с которой мы их совершали и молодость. Она тогда всегда ходила по городу с двумя красивыми мальчиками с тонкими чертами и кудрявыми волосами, сыновьями, а я с дочкой.

Сейчас ее мальчики ростом под два метра выучились в университетах, а появившаяся позже дочка еще учится в другом городе. Все трое детей разъехались, и образовалось у них с Димой «empty nest – опустевшее гнездо». Тут-то и подоспело приглашение свыше в резервацию к индейцам.

Собирались серьезно. Наташа взяла с собой кучу книг, красивых костюмов, сапоги на шпильках, а Дима – молотки, кусачки, гвозди, пилы. Прибыли на остров на 3 недели раньше в августе 2010 года, вошли в дом, который им дали бесплатно на время работы, порадовались. Вошли в школу – умилились.

Дима видит – у жены душа поет, и давай класс оборудовать. Он рукастый, сколотил и повесил на стены десяток полок, портреты классиков британской и американской литературы, а главное поставил новый суперсовременный магнитофон (на свои деньги купленный

перед экспедицией на остров) и дюжину наушников с микрофонами для отработки правильного произношения.

Работали с утра до ночи. Все убрали, украсили, пожали руку молчаливому невозмутимому завучу из местных и улыбчивому директору из бледнолицых, и пошли домой.

А в дом кто-то залезал. Украли яблоки со стола на кухне вместе с пакетом, при этом явно хотели показать, что побывали в доме. Ну да ладно, умилились Дима с Наташей, наверное, детки шалят. Лариса достала вазочку и положила в нее остававшиеся в холодильнике яблоки.

Утром приходят в класс... Все полки сбиты со стен и разбиты, на столах и стульях сначала слой краски, потом слой клея, потом опять краски, а на учительском столе одиноко лежит одна коробочка с наушниками и микрофоном, поблескивая красивой металлической отделкой на черном фоне. Остальное украдено, все, включая магнитофон, наушники и любовно расставленные по всем углам Наташей ручки, карандаши, фломастеры и прочие канцтовары. Работали с утра до ночи, отдраивали нестираемую краску с клеем, стерли руки в кровь. «Это не против вас, сказал невозмутимый завуч из местных, это против белых людей на острове».

По дороге домой слегка обратили внимание на парней лет пятнадцати, которые стояли кучкой, молчали и курили, и капюшоны их курток были надвинуты низко на глаза и прямые орлиные носы. Открыли дверь, а в дом кто-то залезал. Украли яблоки со стола на кухне вместе с вазочкой, при этом явно хотели показать, что побывали в доме. Вот такое рондо с оригинальными повторами получается.

Класс привели в порядок, начался сентябрь, а с ним и учительские будни моей подруги. Она выбирала самые интересные темы, уроки вела изобретательно и артистично, держалась молодцом и оптимисткой. Я плохо представляю себе, как бы я вела себя в ситуации, когда перед учительницей сидит молчаливый класс подростков в капюшонах, надвинутых на глаза, и не реагирует, вообще не реагирует никак. Но надо знать Наташу. Я прямо вижу, как она бодренько носится по классу со своей нестираемой улыбочкой и энергично вдалбливает краснокожим старшекласникам структуру английского эссе. Слышу, как она задает вопросы, и сама же на них зажигательно отвечает, потому что индейцы... молчат. Просто всегда молчат, а она отвечает весело и интригуяще. Вскоре оказалось, что английский они прекрасно все знают, надо только доводить до ума грамотность.

– Это такая культура, говорила она мне по телефону, это сфинксы.

– И что на лицах никаких эмоций?

– Никаких! В их культуре это не принято.

– А что они делают на переменке? – спрашивала я.

– Ничего. Стоят группами и курят. Молча.

Вскоре Дима получил при школе небольшую работу как мастер на все руки. Когда они возвращались домой, то первые дни «музыка» была все та же: В.-А. Моцарт «Турецкое рондо»... вернее Индейское рондо: все повторялось. Заходили в свою островную трехкомнатную резиденцию после работы и видели, что кто-то залезал, при этом явно хотели показать, что побывали в доме. Но прошло недели две, и все это прекратилось, а завуч объяснил, что это

не протест против белого человека в целом, а против предыдущего учителя, место которого заняла Наташа.

В школе она бодрилась, но даже на ее стальные нервы стало действовать молчание «ягнят», и я получила нервный имейл «Срочно высылай пианино!» Это был почти пароль вроде: «Грузите апельсины бочками». У нас была договоренность, что если совсем тоска одолевает, то я ей вышлю громадный синтезатор, который болтался у нас по дому неприкаянный, потому что мы купили дочке обычное пианино. Мы его упаковали и помчались на почту. Адрес не вызвал удивления ни у меня, ни у почтовых работников:

«Учительнице Наташе, озеро Драйбэрри, Онтарио, Канада».

Оказалось, она выбила разрешение школьных властей преподавать еще и музыку, что начала делать незамедлительно. Вскоре несколько человек в классе сняли капюшоны, правда, под ними оказались шапочки, но это был прогресс!

Наконец один из учеников встретился с ней глазами. Она сообщила мне об этом с восторгом:

– Они никогда не смотрят в глаза!

– Почему?

– Смотреть в глаза – это в их культуре – прямая угроза! А он смотрел спокойно и дружелюбно!

Месяца через два Наташа уже не так много порхала по классу, грациозно пронося свои девяносто кило мягкой доброжелательности мимо учеников. «Где у нас сегодня Патрик?» – спросила она однажды, увидев, что одного ученика нет в школе второй день. «Он сидит со своим ребенком» – ответили шестнадцатилетние одноклассники. Ну вот так, там ранние союзы.

Шел месяц за месяцем, и только одна девочка не разговаривала с учительницей и на вопросы не отвечала. Однажды Наташа подскочила и к ней и стала убеждать, что надо принимать помощь, если что-то не понимаешь – не проблема – помогу. Ответ был: «Иди туда-то и туда-то, такая ты разэтакая, и отвязись от меня, чтоб тебе!»

Ничего не ответила Наташа, и стала ждать, как события будут разворачиваться дальше. Вдруг через пару недель девочка написала ей письмо. Там было все, и о тяжелых отношениях с родителями, и о скуке и одиночестве, и нежелании жить на острове, и о сестре, которая чуть не погибла, перебрав наркотиков, и о том, как ее спасали. Наташа ответила письмом. Так они три года и переписываются... каждый день. В школе друг другу – ни слова.

А вообще, учебный процесс пошел. Все ученики стали писать сочинения по английскому и контрольные по математике и предмету «наука», объединяющему физику, химию, биологию, которые проверял дома Дима, попивая странный чаек «от всего» из сушеных зеленых листочков с красными краями.

Жизнь наладилась. Местные жители на каноэ гоняют – с острова на остров, туда – сюда, туда – сюда. Товарообмен идет полным ходом: рыбу продадут, сигареты и что надо в хозяйстве прикупят, оленя продадут, рыбу купят, и не нужны им никакие самолеты, газеты, пароходы.

Продукты и все остальное с большой земли продается в местном сельпо. Интернет и скайп есть, что тоже хорошо. Напомню, что резервация совсем не то место, где кто-то кого-то держит силой. Все не так. Там им платят и платят немало, поскольку белые люди считают себя виноватыми перед индейцами и не без основания.

Молчаливые Чингачгуки на островах всегда жили и теперь живут. Некоторые острова белые у них (что греха таить) отобрали в 1929 и 1930 годах, просто заставив подписать договор, по которому эти холодные куски суши со всех сторон, окруженные бескрайними озерами отошли Федеральному правительству. Индейцы с этих островов ушли, теперь там национальные парки, часть островов находится в частном владении, а остальные по-прежнему их земли.

Живут они в своих резервациях, т.е. поселениях – деревнях и городках, откуда в любой момент могут уйти, поступить в любом городе Канады учиться в университет, имея при этом кучу привилегий, устроиться на работу, построить дом и жить как все, но в резервациях они могут не работать, потому что пособие им платят большое, дома и квартиры там практически бесплатные. Пособие, от которого индейцы не могут или воли нет у них отказаться, держит их в резервациях.

Зачем работать, если платят, дают деньги на жизнь, дают деньги на учебу? В 700 километрах от острова, где работает моя подруга, находится ближайший живописный городок – обычный маленький город с красивыми частными домами, которые построили и где живут семьями те же самые индейцы, не побоявшиеся выйти из золотой клетки.

Было еще много всего, о чем умолчу в надежде, что Наташа сама напишет роман или повесть о жизни в уникальных условиях среди «сфинксов». Кстати она подписала контракт и на четвертый год работы на острове.

У Наташи с Димой «вдали от шума городского», и вообще от цивилизации выиграла вторая волна любви, и они стали прогуливаться вдоль берега озера держась за руки, чем вызывали самое большое недоумение индейцев, которые как вы уже знаете, своих чувств не выражают ни при каких обстоятельствах.

Они только с полуулыбкой переглядывались, давая понять друг другу, что эта парочка... эти двое русских «are not all together», что в переводе значит «не в своем уме».

А дальше были нормальные учительские будни, правда, если считать нормой 50-градусный мороз зимой и наводнение по весне, благодаря которому учебный год закончился, и Наташа покинула резервацию на пару недель раньше наступивших в июне каникул и приехала к нам в гости, о чем подробно рассказывалось в начале этого повествования.

Идите лесом

В Москве сейчас тепло, наверное, ну даже если пройдет дождик, все равно тепло... лето, середина июля. Смородина на даче созревает или готова уже. Скорее всего, и урожай собирать можно, подставив под кусты здоровенную плетеную корзину и прыгая от куста к кусту, по причине отсутствия в характере той последовательности и усидчивости, которая позволяет спокойно собрать все черные ягодки с одной ветки, потом с другой и, не сходя с места, заняться третьей.

Ягоды крупные, черные, да не черные: есть в этом цвете и отблеск фиолетового и тень бордового и «нота», как говорят парфюмеры, вишневого. Очень красивая эта черная смородина, которую я в детстве и юности и за ягоду-то не считала, так ее всегда было много. Каждый раз, идя к кому-то из знакомых москвичей в гости, захватывалась литровая банка смородины, перетертой с сахаром или пятиминутки.

Эти картинки мелькают в голове, пока я рассматриваю коробочку со смородиновым чаем в русском магазине, этом райском ностальгическом месте.

- Что это у вас за чай такой? – спрашиваю у женщины на кассе.
- Обычный чай, индийский с сухими ягодами.
- А с малиной есть такой?
- Есть. А вы не из Москвы?

Что-то меня вдруг так напрягает в этой женщине лет пятидесяти с прямой спиной и периодически скользящей по лицу дежурной канадской улыбкой, что я, сама себе сильно удивляясь, вдруг выдаю: «Нет, я из Прибалтики. Из Литвы. Из Клайпеды». Последнее добавляю, как деталь для убедительности, с волнением прикидывая: а вдруг она тоже из Клайпеды? Это единственный город на Балтийском побережье, где я своей жизни была по пути на Куршскую косу и провела там один день. Понимаю, что соврала, что это плохо. Ладно, неважно. Соврала, поскольку уж больно интересно мне, почему она это спросила и что сейчас скажет.

– Хорошо, что не из Москвы. Как же мы их ненавидим, этих москвичей! Как ненавидим! Вся страна голодала, а они жрали и жрали!

Молча, ставлю пачку чая на прилавок, вешаю маленькую сумочку на плечо, выхожу на улицу. Новости допекли, злые реплики в интернете, нападения друг на друга на ровном месте и драки... пусть виртуальные... решила пройтись. Прошлась. Это кто жрал? Моя мама, вечно с сумкой, возвращавшаяся с работы купив в семь часов вечера то, что осталось в магазине или отец, начальник цеха на заводе, который приходил гордый и счастливый, если выиграл заказ с куском колбасы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.